

Виктор Файн

И.С. Брагинский, Ю.А. Жданов

и их боевые друзья

«Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты». Впервые эта мысль прозвучала у древнегреческого драматурга и поэта Еврипида (480–406 до н. э.). В виде широко известного афоризма она стала популярной благодаря роману «Дон Кихот» испанского писателя Сервантеса (1547–1616). Юрий Андреевич Жданов мало рассказывал о своей военной одиссее – слишком много забот у него было. Может быть, эти заметки немного прольют свет и на неё, и на личность самого Ю.А. Жданова.

О дружбе полковника Брагинского и майора Жданова, зародившейся в годы Великой Отечественной войны и бережно пронесённой сквозь всю жизнь, я рассказал в предыдущей публикации [1].

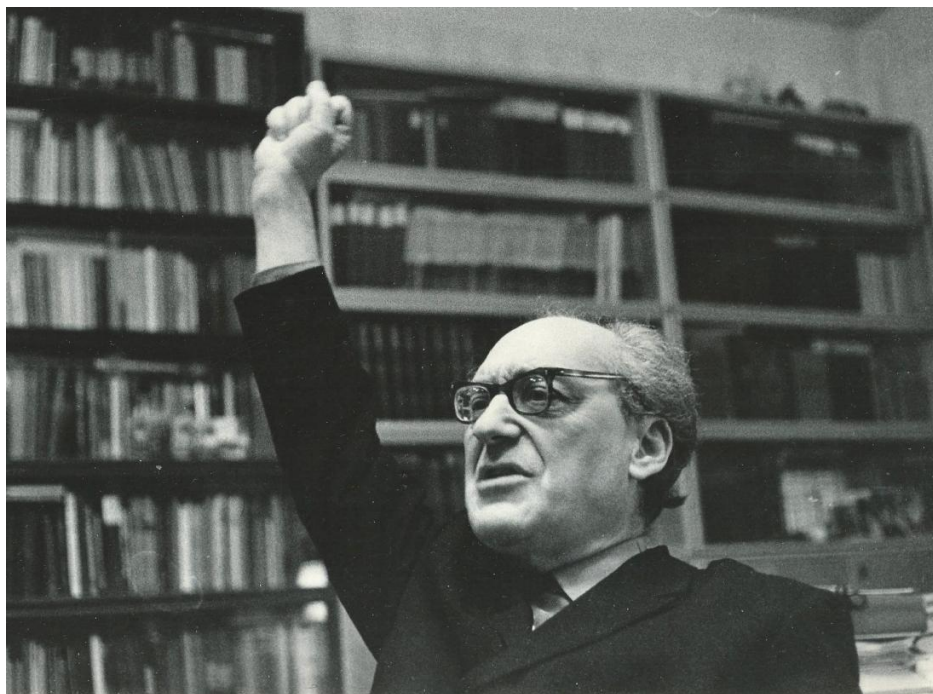

Капитан Жданов и полковник Брагинский, 1943 г.

У Красной Армии в начале войны практически не было опыта пропаганды среди войск противника, эту работу пришлось формировать с нуля, и Брагинский со Ждановым стояли у её истоков. Начальник Немецкого отдела Главного политического управления Красной Армии «интеллигентнейший и мудрейший И.С. Брагинский» [2] был ведущим мозговым центром формирования этой работы. Свои идеи он проверял, не давая указания из тёплого московского кабинета, а личной практикой на фронтах, в самых горячих точках войны: оборона Москвы (в дивизии генерала Панфилова), Сталинград, Дон, Великие Луки, Курск, Корсунь-Шевченковский...

Брагинский был первым, кто ради выполнения боевой задачи отпустил пленного [3]. Началось контрнаступление советских войск под Сталинградом. Полк, в который прибыл полковник Брагинский, получил приказ до утра занять господствующую высоту. Две атаки на высоту захлебнулись – там засел пулемётный расчёт. Артиллерии в распоряжении командира полка не было. Брагинский приказал захватить языка. Привели немолодого румына. Накормили, не пожалев чарочки, обогрели. Но как с ним беседовать, если не знаешь румынского языка? Но Брагинский – филолог, полиглот. Вспомнил, как в повести Иванова "Бронепоезд № 1469" разгагитировали английского военнопленного солдата с помощью картинки в Библии. Вооружился знанием французского языка, близкого к румынскому и.... красноармейской фуражкой. Румын согласился

вернуться к своим, чтобы уговорить их сдаться. Но кивнул на свои полуразвалившиеся полотняные сапоги. Полковник, не задумываясь, снял свои хромовые. Прошли несколько томительных часов, и в плен пришёл весь румынский расчёт, с пулемётом и связанным офицером. Высоту заняли без единого выстрела. С тех пор отпуск пленных широко и успешно практиковали на фронтах.

Профессор И.С. Брагинский в своём домашнем кабинете: «Рот фронт!» – приветственный жест, символизирующий единство пролетариата всех стран в борьбе с фашизмом.

Фото: Альфред Пасковяк, журналист "Фрайе вельт" (ГДР), 1970 г.

В этом журнале был опубликован очень большой материал о полковнике Брагинском "Oberst humanitatis causa" [4].

Ю.А. Жданов – И.С. Брагинскому

В архиве профессора Брагинского осталось множество автографов Ю.А. Жданова.

Телеграмма: Сталинабад Академия наук доктору Брагинскому 4.6.55. Ростова на Дону

Желаю вдвое лет здоровья успехов науке поздравляю приветом Жданов (Ростовский Обком КПСС).

(На расширенном заседании Учёного Совета Института языка и литературы АН Таджикской ССР 8 июня 1955 г. отмечали 50-летие со дня рождения и 25-летие научной и педагогической деятельности И.С. Брагинского).

Дорогой Иосиф Самойлович!

Поздравляю Вас, Хану Натановну и ребят с Октябрьской годовщиной.

Желаю Вам доброго здоровья и хорошего творческого состояния. Это тем более важно, что восточные ветры переменчивы и могут вызвать насморк.

У меня было вот какое происшествие. В конце июля известный академик Лаврентьев прислал мне приглашение ехать в Сибирь, возглавить новый биохимический институт, стать его заместителем по Красноярску. Я долго колебался (уж очень соблазнительно получить научный институт), но решил по многим мотивам отказаться. Главное: 5 лет строить институт, оторваться от науки и погрязнуть в административных делах мне не хочется. Как Ваше мнение?

В остальном дни идут недурно. Андрейка успешно растёт, вопреки стараниям окружающих. В ноябре предполагаю быть в Москве и у Вас.

С дружеским приветом, Ваш Ю. Жданов. 1.11.60.

Дорогой Иосиф Самойлович!

Летом звонил Вам, будучи в Москве. Был ответ: Ушли только что гулять. Теперь собираюсь снова в Москву и непременно хочу быть у Вас. Надо о многом рассказать, многое обсудить. Для начала (не помню, посылал ли Вам) шлю материал (не более) относительно некоторых сторон нашего бытия. Но это – только запов.

Я живу почти невыносимой жизнью администратора. Помимо университета и кафедры, на мне Северо-Кавказский научный центр, журнал и Философское общество. Как пугали, затанули и почти начисто лишили возможности творческой деятельности. Работаю для души урывками.

Объявился Михаил Иванович Бурцев¹ – просит воспоминания о военных годах и работе отдела. Надо бы сделать, да времени нема.

Нет ли у Вас известий о Курелле? Моё письмо к нему возвращено Бригиттой, которая писала, что папа в больнице.

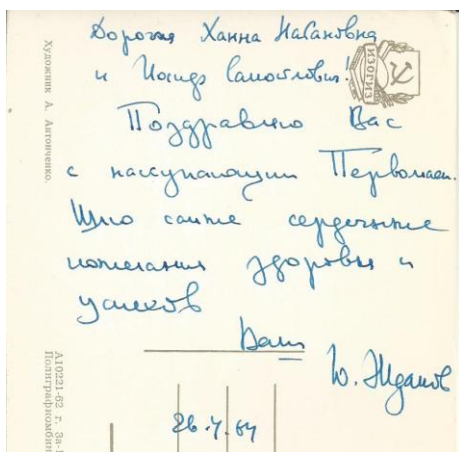
Время неумолимо летит, и надо уметь правильно не только его понимать, но и формировать. Правда, сейчас говорят так: если философы не могут изменить мир, то пусть они его хотя бы объяснят.

Очень хочу встретиться.

Привет Ханне Натановне.

Ваш Ю. Жданов.

(Без даты. Вероятно, осень 1960 г.).

Подобные поздравления Ю.А. Жданов присылал регулярно.

Дорогой Иосиф Самойлович!

Сообщаю Вам один из источников: В.И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 282. Есть и второе упоминание, но я его пока не нашёл.

О философах. Там дела не столь радужны, и известная Вам особа упорно ищет заразу, нападая на Ильенкова, зачисленного в ревизионисты.

Что касается Вашего протеже, то пусть он оформляется: перевод возможен.

Из солнечного Ростова шлю Вам и Хане Натановне сердечный привет.

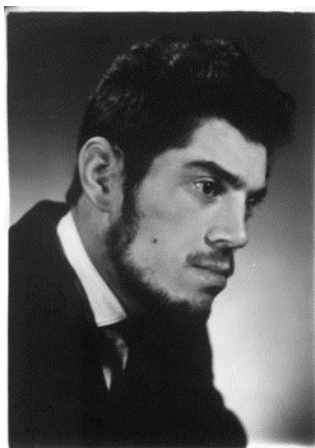
Ю. Жданов.

7.7.69.

«Протеже» – это Амалдан Кукуллу (Аман Данилович Кулиев, 1935-2000), который учился на факультете журналистики Ростовского университета. В 1969 году он защитил дипломную работу и был рекомендован в аспирантуру Института востоковедения АН СССР. Профессор Брагинский, который начинал свою трудовую деятельность в Баку просветительской работой среди горско-еврейской молодёжи, не мог оставить без своего покровительства талантливого представителя этого народа. Первая книга Амалдана Кукуллу "Золотой сундук" вышла под редакцией и с предисловием И.С. Брагинского. Самобытный философ, поэт, сказочник,

¹ Михаил Иванович Бурцев (1907—2002) — генерал-майор, создатель службы спецпропаганды в Красной Армии, в годы войны начальник 7-го управления ГПУ РККА, начальник полковника Брагинского.

фольклорист, автор более 10 книг, изданных как на родном джугури, так и на русском языке, он стал классиком горско-еврейской литературы.

Амалдан Кукуллу

Дорогой Иосиф Самойлович!

Спасибо большое: Вашу книгу, синтезирующую результаты больших трудов и изысканий, получил и сейчас вчитываюсь в неё.

Мы в Ростове затеяли дело, которое не может Вас не заинтересовать. Речь идёт о том, чтобы в деле формирования молодёжи отрешиться от культурнического подхода (лекция о Репине, выставка Рериха, концерт Бетховена), а сформировать некоторый целостный подход, общую базу для осво- и усвоения культурных ценностей. Для этого мы начинаем в сугубо опытном порядке чтение курса **теории** мировой культуры. Посылаю Вам набросок плана этого курса и надеюсь, что Вы выскажете к нему своё отношение. Мне хотелось, чтобы Вы были нашим советчиком, критиком и цензором.

Остаюсь весь в административных репяхх.

Ваш Ю. Жданов.

Мой поклон Ханне Натановне.

Дата штемпеля на конверте 29.04.75.

Приложение: Введение в теорию мировой культуры на 4-х стр.

Несколько позже это вылилось в монографию о сущности культуры [5].

Дорогой Иосиф Самойлович!

Спасибо за письмо и за адрес.

Вот какой вопрос ещё лезет мне в голову. Европейская культура сложилась под сильным влиянием библейских и евангелических сюжетов. Нельзя понять «Возвращение блудного сына» Рембрандта, или «Явление Христа народу» Иванова, или «Страстей по Матфею» Генделя, или всего Микеланджело, Рафаэля и т.д., не зная той литературно-исторической сюжетной основы, на которой они выросли.

Наша новая интеллигенция, тем не менее, такой основы не имеет, поэтому многое в области культуры остаётся для неё немым.

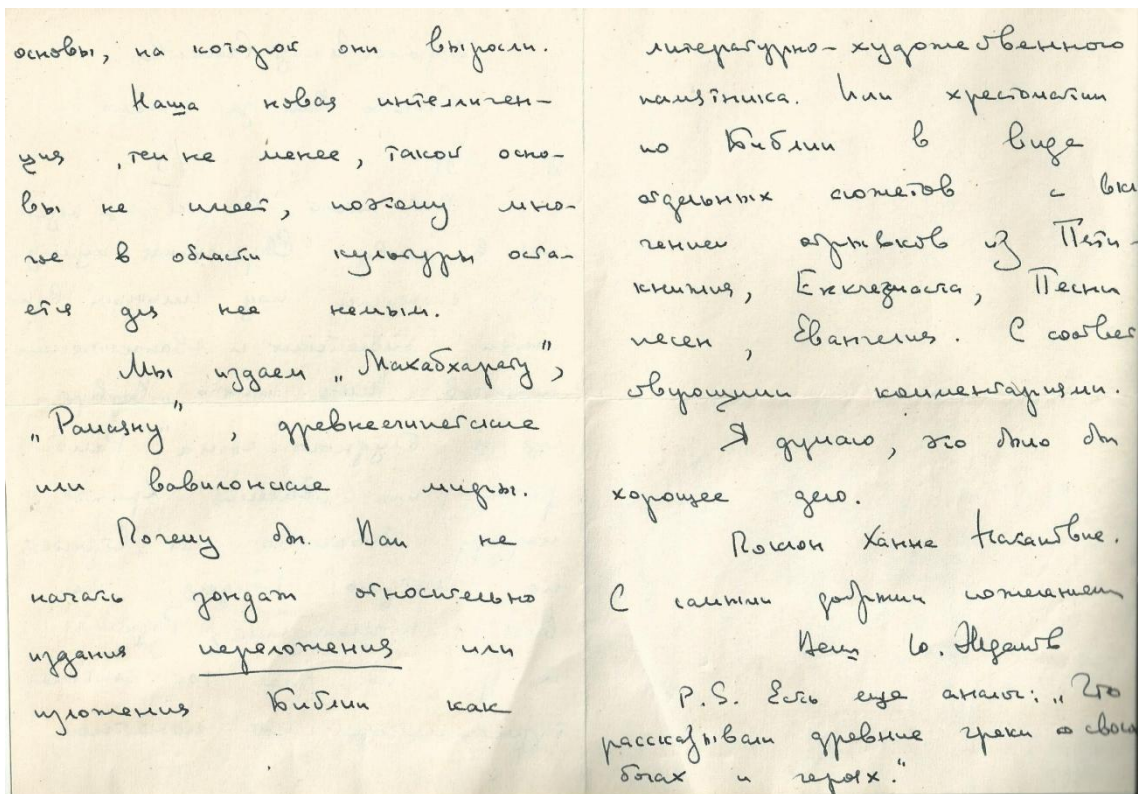
Мы издаём «Махабхарату», «Рамаяну», древнеегипетские или вавилонские мифы. Почему бы Вам не начать зондаж относительно издания **переложения** Библии как литературно-художественного памятника. Или хрестоматии по Библии в виде отдельных сюжетов и включение отрывков из Пятикнижия, Екклесиаста, Песни песен, Евангелия. С соответствующими комментариями. Я думаю, это было бы хорошее дело.

Поклон Ханне Натановне.

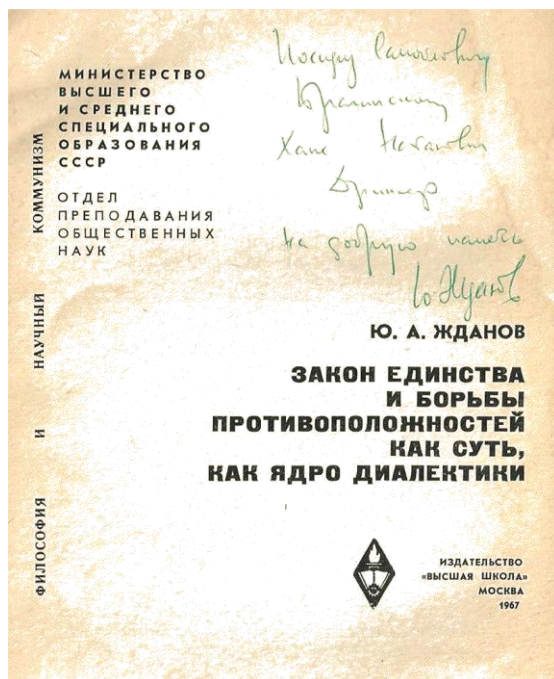
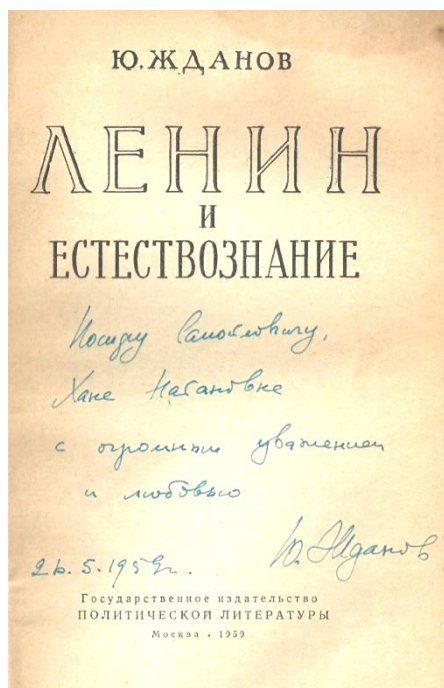
С самыми добрыми пожеланиями, Ваш Ю. Жданов.

P.S. Есть ещё аналог: «Что рассказывали древние греки о своих богах и героях». Без даты. Возможно, начало 70-х гг.

Здравая идея, на два десятилетия опередившая своё время. Увы, продолжения тогда не получившая: задуманное переложение ещё надо было написать, а Брагинский был загружен делами ничуть не меньше Жданова.

Фрагмент письма Ю.А. Жданова И.С. Брагинскому

Надписи Ю.А. Жданова на книгах, подаренных И.С. Брагинскому

Последняя встреча друзей состоялась менее, чем за месяц до того дня, когда ушёл из жизни Иосиф Самойлович.

Телеграмма из Ростова, 27.07.1989. Дриккер Ханне Натановне: «Глубоко скорблю связи кончиной Иосифа Самойловича тчк Всегда буду чтить в нём учёного зпт солдата революции зпт воина зпт учителя тчк Шлю соболезнование всей семье тчк Ваш Юрий Жданов».

Ханна Натановна Дриккер

Не просто жена – боевая подруга, соратник И.С. Брагинского. Она имела прямое отношение ко многим делам, которыми занимался её муж.

Ханна Дриккер родилась 13 января 1904 г. в Бердичеве (тогда – Киевской губернии, в 40 километрах южнее Житомира) в многодетной семье, из 6 детей которой выжили четверо – 3 сына и единственная дочь, вторая по старшинству. У приказчика в лавке и прачки не было денег на оплату регулярного школьного обучения детей, и Ханна училась заочно. Прогрессивно настроенный учитель словесности Константин Аркадьевич Томилин привил ей любовь к русской литературе. Ханна много читала и запоминала большие тексты Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Горького, что в лихую годину спасло её от больших неприятностей.

Безмятежное детство закончилось быстро: Ханне было 10 лет, когда началась Первая мировая война, которая пришла и в Бердичев. Затем две революции, Гражданская война, интервенция, война с Польшей 1919-1920 гг. Под Бердичевым находился лагерь пленных красноармейцев. Они голодали, и Ханна была среди тех, кто носил им еду, за что польский охранник прикладом выбил ей зубы. 16-Летняя Ханна заведовала клубом рабочей молодёжи и преподавала в школе взрослых в Бердичеве. В том же 1920 году она уехала в Харьков, чтобы начать самостоятельную жизнь. На Украине бесчинствовали банды самозванных атаманов. С трудом втиснулась в заполненный товарный вагон, а там парни собрались поиздеваться над красивой девушкой. Она встала и начала читать по памяти Горького, Некрасова, Пушкина. Ошарашенные полуграмотные парни слушали её, раскрыв рты, а по приезде вызвались проводить, «чтобы, не дай Бог, к ней никто не пристал».

В 18 лет она познакомилась с Иосифом Брагинским, в 20 на всю жизнь связала с ним свою судьбу, в 1926 году родился их первенец.

Ханна в 1925 году

Х.Н. Дриккер и И.С. Брагинский, 1945 г

В 1925 году вступила в ВКП(б). Начинаясь коллективизация, и партия направила её на учёбу на экономическом (колхозном) факультете Тимирязевской сельскохозяйственной академии, в 1930-1933 гг. – в аспирантуре Всесоюзного научно-исследовательского колхозного института, по окончании которой она получила звание старшего научного сотрудника в области экономики и организации колхозов. В те же годы участвовала в колхозном строительстве – в Орехово-Зуевском округе, в Западной Сибири, на Северном Кавказе.

В 1933-1936 гг. Х. Дриккер вместе с мужем работала в Дангаринском совхозе Таджикистана, ещё раздираемого бандами басмачей, – старшим агрономом, заведующей учебным комбинатом по подготовке местных кадров трактористов и животноводов. Была парторгом бригады и членом Дангаринского райкома партии. Вслед за мужем перебралась в Сталинабад (ныне Душанбе): в 1936-1938 гг. работала зав. отделом вузов и техникумов Наркомзема Таджикской ССР, в 1938-1939 гг. – освобождённым секретарём парторганизации Наркомзема, в 1939-1940 гг. – зав. отделом пропаганды и агитации Железнодорожного райкома партии Сталинабада. В 1939 г. награждена Почётной грамотой Президиума Верховного Совета Таджикской ССР «За заслуги в области социалистического строительства». Годы напряжённого труда и... массовых репрессий, едва не сломавших её семью.

В 1937 г. руководитель КГБ Таджикистана уведомил Первого секретаря ЦК КП Таджикистана Дмитрия Захаровича Протопопова о предстоящем аресте Брагинского. Тот немедленно отправил Брагинского в аэропорт для отлёта в Москву, запретив ему заезжать домой. Предусмотрительность была не лишней: в тот же день за ним пришли домой. Брагинский должен был привезти поручительства десяти старых коммунистов. Несмотря на то, что подобные поручительства были опасны для поручителей, Брагинскому удалось их собрать. Когда он вернулся, оказалось, что чекист, инициировавший его арест, сам арестован как «враг народа».

С началом войны Х.Н. Дриккер работала в Воениздате начальником группы по изданию листовок для фронта. Тесно сотрудничала с офицерами 7-го отдела ГПУ РККА – авторами листовок. Среди них был и Ю.А. Жданов, для которого она была не только женой начальника и друга, но и коллегой.

Глядя на эту маленькую хрупкую женщину, один из знакомых восклицал:
– И это – директор типографии? Это же гимназистка!

У опытной «гимназистки» тогда уже было трое детей. Вместе с родителями Х.Н. Дриккер их отправили в эвакуацию в Свердловскую область.

Труд почти без отдыха, на износ. И постоянная тревога – за мужа, постоянно выезжавшего на фронт, за детей и родителей в эвакуации, куда, недоедая, они отправляли посылки с продовольствием. В тот день 1943 года, когда пришла ошибочная похоронка на мужа, Ханна Натановна поседела. Ошибка какого-то клерка, спутавшего И.С. Брагинского с его однофамильцем, дорого ей обошлась.

За работу в Воениздате Х.Н. Дриккер была награждена орденом «Знак почёта».

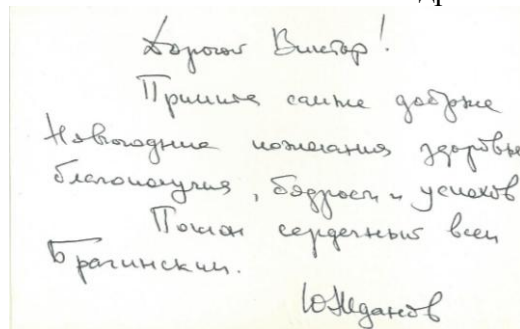
После войны Ханна Натановна проявила себя в качестве историка – участвовала в работе по изучению истории колхозного движения. Защитила кандидатскую диссертацию, опубликовала три монографии по этой тематике (1956, 1959, 1973 гг.). Читала спецкурс по истории коллективизации в Таджикском госуниверситете. В Таджикистане ценят эту её деятельность: «Научная общественность Таджикистана знает и ценит Вас как одного из ветеранов социалистического строительства в республике. Мы знаем Вас как крупного исследователя советской исторической науки. Ваши научные труды, посвящённые колхозному строительству и вопросам некапиталистического пути развития Таджикистана, являются ценным вкладом в развитие нашей исторической науки» (член Президиума Академии наук Таджикистана академик С.А. Раджабов).

Ханна Натановна ушла из жизни 22 февраля 1993 г., 89 лет, на 3.5 года пережив мужа. Я посчитал своим долгом сообщить об этом Юрию Андреевичу. Он откликнулся, расспрашивал меня о судьбе детей Брагинских, о моих делах. Я дарил ему свои монографии. Он знал, что его монография о корреляционном анализе [6], написанная совместно с моим другом ещё со студенческих лет академиком В.И. Минкиным, является для меня настольной книгой – я широко опирался на неё в своих исследованиях.

В.Я. Файн с дочерью Светланой,
И.С. Брагинский и Х.Н. Дриккер, 1971 г.

С Юрием Андреевичем мы обменивались поздравлениями с праздниками.

1993 г.

Софья Аркадьевна Тарханова

В 7-й отдел ГПУ РККА её привёл Д.З. Мануильский, который был знаком с её отцом. 18-летняя Соня, в июне 1941 года окончившая школу, в совершенстве знала несколько языков, включая немецкий, в таких кадрах 7-й отдел крайне нуждался.

Софья Тарханова родилась 19 июня 1923 года в Таганроге в семье бывшего командира Конной армии Будённого А.С. Тарханова, нажившего туберкулёз лёгких на полях Гражданской войны. В годы пятилеток он работал торговым представителем СССР в Берлине, Париже и Осло, где немецкий, французский и норвежский языки ей, по собственному выражению, «преподнесли на блюде».

В 7-м отделе Тарханова работала архивариусом: со всех фронтов ей свозили мешки с трофейными документами и письмами. Она обязана была их разбирать, составлять по ним обзоры, а наиболее интересные передавать начальству. Эти документы были незаменимым источником сведений

о моральном состоянии армии оккупантов и их семей. В них остро нуждались все авторы листовок, включая Ю.А. Жданова.

Вспоминает С.А. Тарханова (1923-2013) [7]:

Как-то раз в мой железный архив зашёл полковник Брагинский и попросил выдать ему одну из хранившихся у меня папок с документами. Я этого сделать не смогла: один из подполковников взял её у меня накануне и не вернул. Иосиф Самойлович (впрочем, никто **там** тогда не называл его по имени и отчеству) очень рассердился и даже накричал на меня, хотя, видит Бог, я ни в чём не была виновата. Накричал он не очень страшно, но я всё равно очень огорчилась, потому что уважала «накричателю».

Через 10 минут полковник Брагинский вернулся. Я молча протянула ему папку, которую тем временем успела вызволить. Папку полковник взял. Но дело было не в этом: он пришёл извиниться. Извиниться перед 19-летней девчонкой без всяких регалий... Не всякий сделал бы это.

С этого дня мы с ним подружились».

Эта дружба продолжалась до конца жизни Брагинского. Именно он помог ей уйти добровольцем на фронт, направив переводчицей-пропагандистом в одно из фронтовых отделений 7-го Управления ГПУ РККА.

Мл. лейтенант Тарханова. Фото из удостоверения личности

С 7-м отделением Калининского фронта, того самого, где Брагинский и Жданов проводили Великолукскую пропагандистскую операцию, Тарханова прошла весь боевой путь почти до Победы. Была не только переводчицей – сама допрашивала пленных и вела пропагандистские передачи для противника через Мощную говорящую установку на передовой, что обычно сопровождалось обстрелом пропагандистов.

Вспоминает С.А. Тарханова:

«В ту холодную весну 1944-го года я ... жестоко простудилась – а, может, это был грипп? – и слегла.

Мне было очень плохо. Болезнь, видимо, дала осложнение на почки. Я уже жалела, что отказалась от госпитализации.

Тут вдруг застрекотал полевой телефон: меня вызывают в Москву, в 7-й отдел. Срочная командировка!

Наверно, сообщили Брагинскому, что я серьёзно больна.

Самолет ПО-2 доставил меня в Москву...

В родительской квартире я отогрелась, отмылась, хоть в нашей маленькой квартирке на Чистых прудах и не было горячего водоснабжения. И радовалась встрече с родителями.

Наутро на виллисе приехал Брагинский.

– Бурцев хочет назначить Вас своим адъютантом-переводчиком, – сказал он. – Сейчас ему приходится общаться не только с пленными немецкими генералами, но и с союзническими офицерами – американскими, английскими, французскими.

Вы знаете эти языки. Но сначала я отвезу Вас в нашу военную поликлинику. Пройдёте обследование. Начнёте лечиться. Выздоровеете – зачислим Вас в штат отдела.

– Но...

От моих возражений Иосиф Самойлович отмахнулся. И уже с мягкой, грустной улыбкой сказал:

– Моя мать умерла от болезни почек. Поэтому я не мог допустить, чтобы Вы остались без медицинской помощи...

Обследование, а затем и лечение было завершено в кратчайший срок. Я стала быстро поправляться. И сказала, что хочу вернуться на фронт.

Генерал Бурцев пожал плечами:

– Что ты там не видела?..

Но неволить меня не стал:

– Хочешь – так поезжай назад!

Иосиф Самойлович огорчился. Я и не сомневалась, что это была его идея – сделать меня бурцевским переводчиком-многостаночником.

И в этом, поскольку таково было моё желание, меня снова поддержал Иосиф Самойлович. Он защищал меня от укоров моих разочарованных родителей, мечтавших удержать меня в Москве.

– Что это? Ты должна учиться! – твердили они мне. – О чём ты думаешь? Тебе ведь уже 20 лет!

Иосиф Самойлович тоже считал, что я должна учиться. И он тоже надеялся, что я поступлю на вечернее отделение в университет и буду совмещать учёбу с *пиаром*. Но всё же он лояльно поддержал меня, когда я заявила, что хочу вернуться на фронт.

– Спасибо! – сказала я ему, прощаясь с ним перед отъездом. – Спасибо, что Вы всегда и во всём помогаете мне.

Иосиф Самойлович только улыбнулся в ответ».

Полковник И.С. Брагинский, Х.Н. Дриккер, майор Ю.А. Жданов и С.А. Тарханова. 1945 г.

После войны С.А. Тарханова окончила МГУ, работала в Информбюро советских войск в Берлине, в «Литературной газете», а своё настоящее призвание нашла как переводчик западноевропейской литературы, очень известного. Член Союза советских писателей

В детстве этой маленькой танцовщице рукоплескал Париж, но балериной она так и не стала. Она участвовала в выступлениях популярного ансамбля, но сцена её не прославила. Судьба наградила её литературным даром и блестящим знанием языков, и она достойно распорядилась ими, обогатив

литературу замечательными переводами западноевропейских писателей. Оставила после себя яркие, увлекательные воспоминания, в том числе «Записки младшего лейтенанта» [7].

Женщина на войне... Широко известно о врачах, санитарках, лётчицах, партизанках, разведчицах, снайперах, артистках. О буднях переводчиц знают куда меньше. Софья Тарханова сумела рассказать о них щемяще ярко, самоиронично, правдиво, не приукрашивая негативные и даже жестокие стороны войны, без ура-патриотических сцен.

О Тархановой говорят её переводы. Благодаря ним русскоязычный читатель получил возможность ознакомиться с произведениями, вошедшими в золотой фонд мировой культуры, подробно узнать о жизни многих выдающихся людей: Альберт Швейцер, Виктор Гюго, Гёте, Шиллер, Ренуар, Ван Гог, Беттина фон Арним... Многие её переводы издавались неоднократно. Например, новеллы Андре Моруа в переводах Тархановой издавались 30 раз, роман Августа Стриндберга «Одинокий» – 7 раз, а «Жизнь Ренуара» Анри Перрюшо – 9 раз. Популярностью пользуются переводы произведений для детей, таких как «Приключения маленькой трески» Улафа Кушерона или «Волшебный мелок» Синкен Хопп. Три сказки из «Волшебного мелка» включены в программу литературного чтения во 2-м классе. Некоторые произведения в переводах С.А. Тархановой записаны артистами в виде аудиокниг.

Пьеса Жана Ануя «Орнифль» в переводе Тархановой дважды ставилась в московских театрах. Сергей Юрский поставил её в Театре имени Моссовета, сыграв в ней заглавную роль. А спектакль Сергея Арцыбашева в Театре сатиры уже 15 лет не сходит со сцены, став визитной карточкой блистательных артистов Александра Ширвиндта и Веры Васильевой.

Владимир Григорьевич Шейнцвит

На Новодевичьем кладбище рядом с могилой Зои Космодемьянской стоит скромный памятник капитану Владимиру Шейнцвиту.

Историк, журналист Владимир Шляхтерман заинтересовался, кто он такой. За расследование удивительной жизни Шейнцвита он удостоен в ноябре 2010 года престижной журналистской премии имени Артёма Боровика. Но очень многое о Шейнцвите он не знал. «Капитан Шейнцвит – почему он похоронен на Новодевичьем кладбище рядом с надгробным памятником Зои Космодемьянской? Здесь никогда не хоронили простых людей. Почему здесь находится Шейнцвит – рядовой

диктор, капитан? Таких было много, но они не погребены на элитном погосте. За какие заслуги?» [8]. Такой вопрос поставил журналист и... не нашёл на него ответа.

**Памятники Владимиру Шейнцвиту и Зое Космодемьянской на Новодевичьем кладбище.
Автор фото: Наталья Мушкина (газета «Московский комсомолец»)**

Ответ на этот вопрос знал я. Но я не читал тех изданий, где публиковал свои расследования Шляхтерман. Не был Шейнцвит «рядовым диктором, каких много». И не зря он похоронен рядом с Зоей Космодемьянской. Он был лучшим пропагандистом ГПУ Красной Армии, которого не раз ставили в пример другим. И его вклад в нашу Победу соизмерим с вкладом Зои.

Владимир Шейнцвит – тот самый, кто в Великолукской пропагандистской операции был вместе с Юрием Ждановым ближайшим помощником полковника Брагинского. Кто сопровождал на фронт Сою Тарханову и воевал с ней в одном подразделении Калининского фронта.

Многое в судьбах Владимира Шейнцвита и Софьи Тархановой было сходно – оба провели детство за границей, где служили их отцы. Не просто однолетки: Володя старше Сони всего на 9 дней.

Владимир Григорьевич Шейнцвит родился 10 июня 1923 г. в Берлине в семье служащих торгпредства и полпредства СССР в Германии. Отцы Тархановой и Шейнцвита в одно время работали в торгпредстве и не могли не знать друг друга. Но их детям, по малолетству, тогда встретиться было не суждено.

Володя учился в немецкой школе, где изучал ещё и французский, дома говорили по-русски, так что с детства в совершенстве владел тремя языками. Он прожил среди немцев 13 лет, знал среду, особенности языка, жаргона, сленга. Без запинки произносил названия немецких городов, фамилии, должности. В 1929 году стал пионером, за что его всячески преследовали отпрыски фашистов, даже били. Так что к нацистам у него был и свой, детский счёт.

В 1937 году семья вернулась в Москву. Володя недолго учился в Немецкой школе имени Карла Либкнехта, разгромленной в январе 1938-го как «шпионское гнездо». Одним классом старше Тархановой. Тогда им также не суждено было познакомиться, но позже, при встрече Соня узнала в нём своего соученика. Володя окончил школу № 336 и в 1940 году поступил на биологический факультет МГУ. Занимался общественной работой, стал заместителем секретаря университетского комитета ВЛКСМ. Дружил со многими детьми немецких политэмигрантов, перебравшихся в Москву, с некоторыми был знаком ещё в Берлине. Был юнкором газеты «Московский комсомолец», где опубликованы 4 его заметки.

Когда грянула война, Владимир Шейнцвит записывается в студенческий батальон, но на фронт его не отправляли, и потому в начале ноября 1941 года он добровольно пошёл в действующую армию. Эрудированного парня назначили начальником библиотеки 360-й стрелковой дивизии. Видимо, начальство решило присмотреться к солдату, бегло говорящему по-немецки и превосходно знающему географию Германии. Не проходит и месяца, как его отзывают и назначают помощником главного редактора по молодёжному вещанию германского отдела Всесоюзного радиокомитета. А ведь ему едва исполнилось восемнадцать! Через три месяца после настойчивых просьб Шейнцвита его зачисляют в политотдел 4-й Ударной армии Калининского фронта диктором-переводчиком. Район действия армии: города Велиж, Будница, Усвяты, Великие Луки.

Старший политрук 332-й стрелковой дивизии И. Леонов пишет в кратком отчёте о пропагандистских передачах для войск противника, расположенных в г. Велиже, с 31 мая по 2 июня 1942 года. «Всего проведено 45 звуковых передач через МГУ-39 и 13 устных через рупор. Текст читал техник-интендант 2-го ранга Шейнцвит с 22.30 до 23.30. Расстояние до противника 30–40 метров. Слышимость хорошая. Ветер слабый, погода ясная. Противник прерывал неоднократно передачи ружейно-пулемётным огнём. Сводку Информбюро о боях под Харьковом слушал внимательно».

В. Шляхтерман отмечает [8]: «30–40 метров»!.. Любой тщедушный солдатик запросто добросит гранату. И снайперская винтовка не нужна – у автомата на такой дистанции убойная сила. Да просто добежать или доползти до дзота немцу потребовалось бы не более пяти минут. Вряд ли для охраны диктора выставляли роту. Фронтвики знают, что такое «30–40 метров до немца». Не то, что роты охраны, дзота не было – окоп или воронка».

«Провёл около 2000 устных и звуковых передач», – напишет Володя в ноябре 1942 года. Две тысячи передач из окопов, часто с расстояния 30-40 метров, не по 5 минут, а по часу и более под обстрелом! Да провести их так, чтобы самому уцелеть!

Чтобы передача была убедительной, её следует тщательно подготовить. Она должна быть адресована не немцам вообще, а солдатам конкретных частей, противостоящих нашим войскам. Где взять такой материал? Письма, дневники, показания пленных. Но этого мало, нужен непосредственный контакт с солдатами врага. Евгения Давыдовна, двоюродная сестра Владимира, утверждает: ей доподлинно известно, что он несколько раз переходил линию фронта, а в их семье хранилась его немецкая офицерская форма – китель, брюки, фуражка, Железный крест и медаль.

Начало февраля 1943 года. Старший лейтенант Шейнцвит, ближайший сподвижник Брагинского и Жданова в Великих Луках, возвращается в свою часть из Москвы, где состоялся разбор результатов Великолукской операции. Он сопровождает бывшего немецкого солдата, перебежчика Ханса Циппеля, который только что окончил Антифашистскую школу, учреждённую 7-м отделом ГПУ под Москвой. На Калининском фронте Циппель должен стать уполномоченным Национального Комитета «Свободная Германия» (политический и организационный центр немецких антифашистов, созданный в 1943-м году на территории СССР). К ним и пристроили переводчика Софью Тарханову, направленную на Калининский фронт в 4-ю Ударную армию. Тогда и состоялось её знакомство с Шейнцвитом, положившее начало их дружбе.

Тексты своих передач Шейнцвит писал сразу по-немецки, Тарханова печатала их на машинке. Один из офицеров, покидая их часть, «проявил бдительность» – написал донос на них обоих. Дескать, мальчик и девочка вместе учились в немецкой школе и непосредственно общаются с немцами на их языке. Никто их не контролирует. А вдруг они передают немцам секретные сведения

о наших войсках? Но высокое начальство в лице полковника Брагинского хорошо знало обоих и доверяло. Доверял и офицер СМЕРШа, посещавший их часть.

– Отчаянный ты парень, – говорил он Володе, – уважаю!

Тем не менее, нашёлся чин, благосклонно воспринявший донос. Начальнику разведки дивизии старшему лейтенанту Кульгаву, хорошо знавшему немецкий, поручили стать их негласным цензором. Об этом Кульгав сам рассказал Тархановой после войны [7].

Бесконечные вещания из окопов не прошли бесследно: Шейнцвит серьёзно заболел. У него постоянно держалась температура 37-38°, он слабел. Доложили Брагинскому. Тот выхлопотал для него путёвку в подмосковный санаторий «Архангельское», где отдыхал и лечился высший комсостав.

Осенью Брагинский задумал новую дерзкую операцию по тылам немецких войск. Узнав о ней, Шейнцвит прибыл в 7-й отдел ГПУ и попросил включить его в состав отряда. Он был уверен: лучше него с таким заданием не справится никто. Но Брагинский ему отказал:

– Об этом не может быть и речи! Возвращайтесь в санаторий и долечивайтесь!

Обиженный отказом, Володя бросился к генералу Бурцеву, начальнику отдела, и, скрыв от него решение Брагинского, настойчиво повторил свою просьбу.

– Что ж, поезжайте! – сказал генерал и приказал Брагинскому зачислить его в свой отряд.

Это было ошибкой. Как и некоторые другие участники похода, он заразился сыпным тифом. С трудом удалось вывести вконец ослабшего и больного Володю из тыла врага. Его сразу же отвезли в армейскую больницу. Лечили его интенсивно, подстёгиваемые требовательным вниманием 7-го отдела ГПУ. Но ослабевший организм не справился с болезнью. 21 октября 1943 года Шейнцвит умер.

Брагинский остро переживал смерть Володи. Он мучился тем, что не смог его уберечь. Благодаря хлопотам Брагинского, его похоронили на Новодевичьем кладбище – на «элитном погосте». Рядом с могилой Зои Космодемьянской – это уже дело случая.

Спустя год у полковника родился сын. Он назвал его Володей.

Владимир Шейнцвит. Фото на памятнике

Много лет спустя, разбирая архив Иосифа Самойловича Брагинского, я натолкнулся на запись: «На моём столе стоит фотография нашего незабвенного мальчика, Володи Шейнцвита...».

Брат моего деда поэт А. Оршанин закончил свою поэму «Таня» [9].
словами:

События бегут, им нет отсрочки.
Но символ Родины... он в ком?
Он в Зое, что в изодранной сорочке
По снегу шла в бессмертье босиком.

Имя Зои Космодемьянской широко известно, чего не скажешь об имени Владимира Шейнцвита. А его жизнь и смерть – тоже символ. Символ беззаветной храбрости и преданности своей Родине. Имя этого человека, безоглядно отдавшего ей всего себя до последней капли, должно найти народное признание.

Ровесники, они не знали друг друга, но теперь стоят рядом. Будто взявшись за руки – Зоя, чей подвиг яркой вспышкой озарил мир, и Володя, около двух лет жизни которого были ежедневным подвигом [10].

Стоят и не стареют.

Альфред Курелла

Среди соратников полковника Брагинского по антигитлеровской пропаганде были такие известные немецкие эмигранты-антифашисты, как Вильгельм Пик, Вальтер Ульбрихт, Фридрих Вольф, Фрида Рубинер, Альфред Курелла, Эрих Вайнерт, Вилли Бредель, Иоганнес Р. Бехер, Артур Пик (сын В.°Пика). Сам профессор Брагинский так комментирует этот этап своего жизненного пути: «Без помощи немецких интернационалистов я не смог бы выполнить свою работу. Эти люди достойны величайшего уважения». Из них особенно следует выделить Альфреда Куреллу (1895-1975), соратника Брагинского и Жданова, с которым они особенно сблизились после Великих Лук.

Какую жизнь прожил Курелла до июня 1941 года, когда война привела его в 7-й отдел ГПУ Красной Армии?

Немецкий писатель, переводчик и партийный деятель Альфред Курелла родился в небольшом прусском городке Бриг, ныне Бжег (Польша). Окончил гимназию и Мюнхенскую школу прикладного искусства. Доктор философии. Участвовал в молодёжном движении, был ответственным редактором журнала «Freideutsche Jugend». Участник Первой мировой войны. В 1918 г. стал одним из организаторов мюнхенского отделения Союза свободной социалистической молодёжи, вступил в Коммунистическую партию Германии. После разгрома Баварской республики ушёл в подполье, а в 1919 г. со специальным поручением прибыл в Москву. В 1919 г. встречался в Москве с Лениным. Один из создателей Коммунистического интернационала молодёжи (КИМ), секретарь Исполкома КИМа. В 1924–1929 годах состоял в ВКП(б), работал заведующим отделом изобразительного искусства Наркомпроса РСФСР, редактором «Комсомольской правды». С 1929 г. вновь в Германии, занимался литературной деятельностью и активно работал в КПГ. Был секретарём «Интернационального комитета борьбы против фашизма и войны» и главным редактором его печатного органа «Le Front Mondiale». В начале 1930-х годов Курелла работал в Париже ответственным секретарём «Всемирного комитета по борьбе с войной», основанного А. Барбюсом, Р. Ролланом, М. Горьким. В 1933 г. книга Куреллы «Муссолини без маски» – одна из наиболее значительных антифашистских книг того времени – была публично сожжена нацистами. В 1934–1935 гг. работал в Москве

секретарём Георгия Димитрова, позже руководил научно-библиографическим отделом Государственной библиотеки иностранной литературы. В 1937 году получил советское гражданство.

В Немецком отделе полковника Брагинского Курелла возглавлял фронтовые газеты. В 1943 г. разработал проект манифеста Национального комитета «Свободная Германия» и стал заместителем главного редактора газеты «Freies Deutschland».

А. Курелла так описывает работу Немецкого отдела в первый год войны:

«Работал я день и ночь. Мой начальник, член Верховного Совета Таджикской ССР, был профессиональным учёным, ориенталистом, имел чин полковника. Я был у него в подчинении. Он со мной советовался, давал задания, а когда замечал, что я слишком много работаю и очень хочу спать, – ведь спали мы редко и, улучив свободный момент, засыпали прямо на рабочем месте – на столах, скамейках, стульях, – приказывал сделать перерыв. Работа у нас была сумасшедшей. Мы все сидели в воинском здании, в котором для нашего нового отдела была выделена одна комната, в ней работали два полковника, три подполковника, два капитана, двое "штатских" и две машинистки. В этой комнате царил дикий беспорядок, совершенный хаос, при этом любая работа прерывалась мгновенно, если возникала необходимость срочно посоветоваться друг с другом, что-то проанализировать, послушать пластинки, отобрать фотографии, рассмотреть и оценить карикатуры. Поток материала, шедшего с фронта, не иссякал. Бесчисленные письма с фронта и на фронт, письма пленных, приходившие в сумках и мешках полевой почты, письма умерших, материалы, взятые в захваченных штабах. Словом, это было, как говорится, круглосуточное непрерывное производство. При этом **любое** слово, которое ты писал и которое потом шло в печать, нужно было взвешивать скрупулёзнейшим образом, находить его единственный точный смысл и обращаться с ним так, как если бы это была граната» [11].

О характере Альфреда Куреллы рассказала Шарлотта Шлезингер, беженка из Германии [12]:

«Альфред... был замечательным рассказчиком. Вечером, когда мы собирались за ужином, он пытался нас рассмешить, и иногда ему это удавалось. В Москве он неоднократно бывал с 1919 года, времена тогда были залихватские, чего только тогда с ним ни случалось... Но смешнее всего были его французские истории. В 1924-26 годах он руководил юношеской школой Коминтерна и школой Французской компартии в Бобиньи. Чаще всего в его приключениях фигурировали весёлые монашки. Привирал, наверное...».

Вспоминает Софья Тарханова [7]:

«Писала листовки и Фрида Рубинер, немецкая коммунистка-эмигрантка. Она же и выполняла окончательную стилистическую шлифовку немецких текстов. Вот только раздражительна она была не в меру и потому слыла ругательницей.

Как-то раз в поздний час у меня в железном логове засиделся Альфред Курелла, один из известных эмигрантов-коммунистов, писатель, литературовед, идеолог. Тогда, в 1942-ом, это был худощавый, подвижной, да и попросту симпатичный человек с живым умом, очень смешливый.

Курелла делал выписки из моих материалов, а я, продолжая сортировать трофейные бумаги, вдруг вытащила из мешка таблицу с надписью: "Schimpfen ist der Stuhlgang der Seele. Gebbels" («Брань – это фекалии души. Геббельс»).

Курелла расхохотался, выхватил у меня табличку и, поманив меня за собой, побежал к двери, ведущей в немецкий отдел. В отделе было пусто, да и вообще, кроме нас, все сотрудники давно разошлись.

Увидев, что никого нет, Курелла взобрался на стул и прикрепил табличку к стене у рабочего стола Фриды Рубинер.

– Das habe ich alleine zu verantworten! Sie wissen nichts! (Всю ответственность беру на себя! Вы ничего не знаете!) – заявил он мне.

Вернувшись в логово, он собрал свои записи и ушёл, посоветовав и мне последовать его примеру. Что я и сделала.

Мне рассказывали, что полковник Брагинский был не в восторге от этой проделки. Но мне, как сообщнице, не влетело».

После окончания войны Курелла рвался в Германию, но советские власти его не выпускали. По официальной версии, из-за того, что он был носителем многих государственных тайн. Главным, вероятно, было не это: Курелла попал в опалу, против его отправки в Германию возражал Вильгельм Пик. Дружной командой немецкие антифашисты не были. Не зря после войны в Германию на полгода был командирован И.С. Брагинский, пользовавшийся среди них большим авторитетом. С главной своей задачей – сплотить в одну команду тех, кто должен был создать новое немецкое государство – он успешно справился. Сотрудники считали его одним из основателей ГДР.

Отдыхая в Кисловодске, Курелла, исходивший до этого горы Италии, Франции и Германии, совершил попытку восхождения на Эльбрус. Очарованный Кавказом, он любил его до конца своих дней. Еще с 1934 г. А. Курелла каждое лето проводил в путешествиях по горам Кавказа: Грузия, Азербайджан, Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Абхазия. Горный туризм открыл для него прекрасное абхазское село Псху в средней части ущелья реки. Бзыбь, изолированное от мира горными хребтами. Война застала Куреллу в абхазском селе Эшера – на берегу Чёрного моря, севернее Сухума. После окончания войны А. Курелла поселился с семьёй в Псху, купил там дом и жил крестьянской жизнью: огород, сад, пчёлы, походы через перевал в Сухум за продуктами. Там же он переводил Чернышевского, Добролюбова и Герцена, занимался живописью и скульптурой.

К горному туризму Курелла возвращался и в последующие годы. В 1956 г. издательство «Kultur und Fortschritt» выпустило его книгу «Der schöne Kaukasus», иллюстрированную фотографиями, где талантливо и увлекательно описаны трудные, опасные переходы по высокогорным ущельям. В 1961 году 66-летний А. Курелла, прошёл из Архыза в Псху с годовалой дочкой в специальном рюкзаке. Он создал уникальный альбом маршрутов по Западному Кавказу, пройденных им за 25 лет. В честь Куреллы назван перевал через Главный Кавказский хребет из долины реки Кизгыч к истоку реки Чхалта, который он прошёл и описал первым. Последний поход на Кавказе он совершил в 1972 году по Чегемскому ущелью [13].

Как видим, у Ю.А. Жданова и А. Куреллы были общие интересы и в этой области: Юрий Андреевич был ветераном альпинизма СССР. Первое восхождение он совершил в 1937 году, продолжил студентом МГУ. За его плечами горы Приэльбрусья, Домбая, Архыза – те же места, по которым ходил Курелла. В 1975 г. в Красной Поляне Жданов получил значок «Турист СССР» [14]. А это уже места, где и я был туристом в 60-е годы.

В 1949 году А. Курелла вернулся в Москву, а в 1954 г. переехал в ГДР. Один из основателей и директор лейпцигского Литературного института им. И.Р. Бехера (1955–1957). Занимал руководящие посты в Союзе писателей ГДР и Культурном союзе. В 1958 году его избирают в состав ЦК СЕПГ и кандидатом в Политбюро, членом Народной палаты. С 1963 года он заместитель президента Академии искусств ГДР. Награждён орденом Карла Маркса, памятной пряжкой ордена Заслуг перед Отечеством. Лауреат Национальной премии (1969) и премии по культуре (1970).

Альфред Курелла на почтовой марке ГДР

Свободно владея немецким, русским, итальянским и французским языками, он перевёл на немецкий стихи в прозе И.С. Тургенева, Т.Г. Шевченко, рассказы Горького, Аркадия Кулешова, Назыма Хикмета, Луи Арагона, Низами и Навои, киргизский эпос «Манас» и армянский «Давид Сасунский». Многие его переводы признаны в Германии эталонными. По мотивам его воспоминаний был снят художественный фильм «На пути к Ленину» совместного производства СССР и ГДР с М. Ульяновым в главной роли. Оригинал этих «Воспоминаний» на немецком языке [15] Курелла подарил в 1967 г. И.С. Брагинскому и его жене.

Дружба И.С. Брагинского и А. Куреллы не прекращалась до конца жизни последнего. Об этом свидетельствуют книги А. Куреллы, подаренные им Брагинскому. Об этом свидетельствуют многочисленные письма Куреллы, сохранившиеся в архиве профессора Брагинского (Курелла писал то по-русски, то по-немецки). Они помогали друг другу, делились новостями. Переписка Брагинского с Куреллой читается, как роман в письмах: чем дальше, тем сердечнее и раскованнее. Вот, например, письмо от 22.06.65 с ремаркой Куреллы: «знаменательная дата!»:

Дорогой Иосиф Самуилович!

«Ах, какой рассеянный из Кутузовского проспекта!» Посылает приглашение (почтовый штамп 14.06.65) так, что оно придёт в самый день заседания²! Ей богу – если бы я получил его вовремя, я разорился бы, но приехал. Своё поздравление я Вам... уже послал по телеграфу. Сим я его ещё раз подтверждаю! Я с ужасом вижу, что Вы собираетесь меня догнать! Теперь нас разделяет только 1/7 моей и 1/6 Вашего возраста – и как будет дальше? Сколько мне придётся жить для того, чтобы относительная разница наших возрастов не равнялась бы нулем?

Знаменитый английский сатирик Лоуренс Стерн, когда пишет свою вымышленную автобиографию, рассуждает так: «Чтобы описать один год моей жизни, мне требуется 2 года – сколько лет мне нужно будет жить, чтобы описать **всю** свою жизнь?». Как видите, это как раз противоположная ситуация!

Летом, конечно, будем в Москве – но только «пролётом» – стремимся, как всегда, на Кавказ. В этом году мне придётся преодолеть перевал Шаривцек из Балкарии в Сванетию высотой 3600 м. Думаю, что старые кости ещё пронесут».

А это – письмо Брагинского Курелле от 5 апреля 1966 г., в котором рассказывается о начале работы над книгой «Особый фронт» – той самой, для которой генерал Бурцев просил у Ю.А. Жданова его военные воспоминания:

Дорогой Альфред Иванович! ...ГлавПУРКА создал авторский коллектив во главе с ген. Бурцевым (в этот коллектив включён и я – по вопросам содержания и аргументации) для составления книги к годовщине Великой Октябрьской социалистической революции об истории нашей идеологической работы в годы Великой Отечественной войны.

² Речь идёт о торжестве в честь 60-летия И.С. Брагинского.

И.С. Брагинский, Х.Н. Дриккер и А. Курелла с женой Соней и младшей дочерью Беттиной. 1969 г.

После кончины Куреллы, в 1978 г. Брагинский вёл переписку с Архивом Куреллы Академии искусств ГДР, в т.ч. с вдовой Куреллы Соней и дочерью Беттиной о своём послесловии к книге Альфреда и своей книге о западно-восточных литературных портретах. Эти письма сохранились в архиве профессора Брагинского.

Когда не стало И.С. Брагинского, вдова А. Куреллы Соня Курелла прислала из Берлина сначала телеграмму, а затем трогательное письмо-соболезнование, где писала: «У Альфреда было много друзей, но, я знаю, что был среди них настоящий друг – Иосиф».

Альфред Курелла и Юрий Жданов в разные годы работали секретарями легендарного Георгия Димитрова, а Иосиф Брагинский неоднократно встречался с ним, докладывая о результатах пропагандистской работы Немецкого отдела ГПУ РККА. И.С. Брагинский оставил воспоминания о своих встречах с Димитровым [16].

1933 год. Нацисты, рвущиеся к власти в Германии, подожгли рейхстаг и обвинили в поджоге коммунистов. За судебным процессом пристально следил весь мир, и после энергичной речи на нём Димитрова судьи вынуждены были вынести оправдательный приговор. Авторитетнейший Георгий Михайлович Димитров возглавил Коминтерн, а после его отпуска – Международный отдел ЦК ВКП(б), курирующий Главное политическое управление РККА. После войны он возглавил Болгарскую Народную Республику.

Юрий Андреевич Жданов был замечательным человеком, он стал достоянием истории нашей страны. Любые сведения о нём, надеюсь, будут бережно сохранены Научной библиотекой ЮФУ, носящей его имя.

Литература

[1]. Виктор Файн. Дружба, скреплённая войной: Полковник И.С. Брагинский и майор Ю.А. Жданов.

<https://library.sfedu.ru/news/%D0%92%D1%8B%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D0%B8/?page=2> (2016).

[2]. «Человек – эпоха» – электронная версия газеты "Молот", 2004 г.

<http://rostovgorod.pf/1060-chelovek-epokha.html>.

- [3]. Эта история, подробно описанная И.С. Брагинским, впервые опубликована с моей подачи З.А. Сайфуллаевой в Сборнике докладов на Международной научно-практической конференции, посвящённой 70-летию Великой Победы – Душанбе, 2015, с. 201-207.
- [4]. Oberst humanitatis causa – журнал ГДР «Freie Welt» («Свободный мир»), № 20 от 2 мая 1970 г.
- [5]. В.Е. Давидович, Ю.А. Жданов. Сущность культуры. Издательство Ростовского университета, 1979 г., 264 с.; 2-е изд., перераб. – Ростов-на-Дону: Наука-пресс, 2005, 432 с.
- [6]. Ю.А. Жданов, В.И. Минкин. Корреляционный анализ в органической химии – Издательство Ростовского университета, 1966, 470 с.
- [7]. Софья Тарханова. Воспоминания о воспоминаниях. Публикация, вступительная статья, подбор иллюстраций и комментариев В.Я. Файна – М.: издательство Триумф, 2016, 242 с.
<https://books.google.ru/books?id=TJ1yCwAAQBAJ&hl=ru>.
- [8]. В. Шляхтерман. До врага – 30 метров – журнал «Лехаим», июнь 2010 г.
<http://www.lechaim.ru/ARHIV/218/shlyahterman.htm>.
- [9]. Возвращение забытого поэта. А. Оршанин. Таня. Поэма. Публикация, вступительная статья и комментарий В.Я. Файна – [http://gym201s.mskobr.ru/\(13.01.17\)](http://gym201s.mskobr.ru/(13.01.17)).
См. также: Ольга Кузьмина. 70 лет ожидания. Поэма «Таня» о подвиге Космодемьянской ждала своего часа долгие годы – Вечерняя Москва, 13 декабря 2016 г., <http://vm.ru/news/2016/12/13/70-let-ozhidaniya-poema-tanya-o-podvige-kosmodemyanskoj-zhdala-svoego-chasa-dolgie-godi-343476.html>.
- [10]. Виктор Файн. Бессмертный полк. Навечно рядом с Зоей Космодемьянской. Владимир Григорьевич Шейнцвит – <http://parad-msk.ru/navechno-ryadom-s-zoej-kosmodemyanskoj/> (21 октября 2016).
- [11]. Alfred Kurella. Der Traum von Ps'chu: ein Ehe-Briefwechsel im zweiten Weltkrieg – Aufbau-Verlag, 1984, 653 S.
- [12]. Шарлотта Шлезингер. Тетрадь, найденная на чердаке – журнал «Семь искусств», № 3(72), март 2016 г., <http://7iskusstv.com/2016/Nomer3/MShifman1.php>.
- [13]. А. Курелла – <http://www.mountain.ru/mkk/pers/kurella.shtml>.
- [14]. Александр Пятницын, президент Федерации альпинизма и скалолазания Ростовской области, член правления ФАР – [http://www.risk.ru/blog/13577\(10.11.2010\)](http://www.risk.ru/blog/13577(10.11.2010)).
- [15]. A. Kurella. Unterwegs zu Lenin (На пути к Ленину) – Berlin: Verl. Neues Leben, 1967.
- [16]. И. Брагинский. Незабываемые встречи. 25 годовщина смерти Георгия Димитрова – Нова свитлина, София, 17 июня 1974 г. (на болгарском языке).

В.Я. Файн